Лора Сотник

Николай Георгиевич Гавриленко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Георгиевич Гавриленко, родившийся 12 мая 1910 года в Мариуполе, в поселке Волонтеровка, был старшим сыном в семье простого рабочего человека. Кроме него были еще сын и дочь. С мальчишеских лет он помогал родителям работать на приусадебном участке, где они выращивали фрукты и овощи. Кстати, любовь к земледелию, садоводству у него осталась на всю жизнь. Лозы, привитые им на старые кусты, давали на даче в Донецке и в Днепропетровске урожай раньше, чем в Мариуполе.

В семнадцать лет Николай Георгиевич поступил на завод им. Ильича чернорабочим. Вероятно, учился на рабфаке, получил среднее образование, так как в 1931 году был принят на первый курс Харьковского инженерно-строительного института. Проучившись на первом курсе, перевелся в Ленинградский политехнический институт на прокатное отделение. О причинах можно только гадать. Шел 1932 год, Украина и Харьков, в частности, находились в тисках голода. Может, это и вызвало необходимость перевестись в город на Неве? А может, возникло желание учиться металлургии? В ленинградском политехническом институте он на долгие годы подружился с однокурсником Фролом Козловым, будущим партийным и государственным деятелем, секретарем ЦК КПСС.

В 1936 году молодой инженер-прокатчик возвратился на родной завод, где получил направление в сортопрокатный цех. Как он работал? Ответ можно найти в книге Д. Н. Грушевского «Имени Ильича»: «Значительно перевыполняли план в сортопрокатном цехе смены молодых инженеров-комсомольцев Александра Гармашева и Николая Гавриленко».

Перед самой войной Николай Георгиевич был переведен в Горьковскую область на Кулебакский металлургический завод начальником сортопрокатного цеха. Предприятие как раз начало переходить на выпуск брони и сборку корпусов легких танков, и его знания тут очень пригодились. Но работать там пришлось недолго — началась Великая Отечественная война, и Николая Георгиевича направили на Магнитогорский металлургический комбинат, где он возглавил один из прокатных цехов.

На комбинате, с самого начала ориентированного на выпуск «гражданских» сортов металла, предстояло освоить выплавку броневых марок стали, а также прокатку броневого листа. Почему понадобился прокатчик именно с Мариупольского металлургического завода им. Ильича? Да потому, что производство броневого проката там было освоено еще с

дореволюционных лет, и с тех пор постоянно и целенаправленно совершенствовалось. К этим работам был причастен и Николай Георгиевич Гавриленко. Персонал комбината был переведен на казарменное положение, в цехах работали и жили. Лишь изредка на очень короткое время разрешалось повидаться с семьей. Людмила Николаевна рассказывала, как она приняла своего отца за чужого дядю и расплакалась, когда он пришел домой, чтобы увидеть жену Галину Ивановну и дочь, а заодно и помыться. Людмиле было тогда чуть больше года.

Только в 1945 году Николай Георгиевич с семьей вернулся в Мариуполь. В биографических справках о нем значится: «В 1945-1949 годах — начальник броневого отдела, заместитель главного инженера Мариупольского металлургического завода». Совмещал ли он две должности или занимал последовательно — неизвестно. В любом случае обе они очень ответственны. За выдающиеся заслуги перед страной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июня 1947 года коллектив Мариупольского завода им. Ильича был награжден орденом Ленина. Более пятисот рабочих и инженерно-технических работников предприятия удостоились правительственных наград. Среди других орденом Ленина был награжден и мой герой. Забегая вперед, скажу, что за самоотверженный труд на Магнитогорском металлургическом комбинате Николай Георгиевич был награжден орденом Красной Звезды, а в последующие годы двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многочисленными медалями.

Рост по профессии продолжался, возлагаемая на Николая Георгиевича ответственность возрастала: 31 декабря 1949 года он сменил на посту А. Ф. Гармашева и стал директором завода. Смена руководства произошла не просто так, наряду с металлургическим производством новому директору предстояло развивать машиностроительные цехи. А 12 марта 1950 года Н. Г. Гавриленко был избран депутатом Верховного Совета СССР уже как директор Мариупольского машиностроительного завода. Такие были при социализме темпы.

В юбилейном издании «ОАО «Мариупольский металлургический комбинат им. Ильича. 110 лет» перечислены объекты, введенные в эксплуатацию за время работы Николая Георгиевича Гавриленко на посту директора завода. Это трубоэлектросварочный стан-«650», стан спирально-шовных труб, толстолистовой стан «1250», доменная печь № 2, водогрязелечебница, освоена технология массового производства толстых листов для судостроения. Но самое главное — Николай Георгиевич обратился в вышестоящие инстанции с предложением

реконструировать действующий завод и расширить его за счет строительства объектов второй очереди. В книге Ю. Я. Некрасовского «Огненное столетие. 1897-1987» приведена выдержка из воспоминаний Н. Г. Гавриленко. Вот она вкратце: “В 1954-56 гг. возникла необходимость увеличить производство чугуна, стали, проката и труб. Встал вопрос о возможности быстрого расширения их производства на действующих заводах, располагающих необходимым потенциалом: территориями, энергетическими ресурсами, кадрами. Таким заводом оказался Мариупольский завод им. Ильича. Учитывая это, а также наличие в Мариуполе мощных строительных организаций, правительство приняло решение немедленно приступить к проектированию и расширению завода. Немаловажную роль при этом сыграло отношение к заводу заместителя председателя Совмина СССР Ф. Р. Козлова». Николай Георгиевич скромно умолчал, что развитие завода было лично его идеей. Не каждому творцу доводится увидать осуществление своей мечты, Гавриленко свою — увидел. Он увидел на родном заводе аглофабрику, строй из пяти доменных печей, ново-мартеновский и кислородно-конвертерный цехи, слябинг, стан «1700», цех холодного проката.

В 1957 году Н. Г. Гавриленко был назначен первым заместителем Председателя Донецкого Совнархоза Украинской ССР. Работая на этом посту, он продолжал вносить вклад в развитие тяжелой индустрии Донбасса, не забывал и о родном заводе им. Ильича. После упразднения Совнархозов, в 1965 году, он был назначен первым заместителем министра черной металлургии Украинской ССР.

Затем этот всесторонний профессионал, накопивший богатейший практический опыт, ушел в науку, чтобы отдать свой багаж там. Николай Георгиевич создал в Днепропетровске Всесоюзный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт автоматизации черной металлургии (ВНИИмехчермет), который возглавил, завершив работу в министерстве. В этом учреждении он работал до выхода на заслуженный отдых в 1990 году.

Николай Георгиевич Гавриленко ушел из жизни 12 февраля 1999 года.

- Николай Георгиевич Гавриленко
  - ○
  - ○ Лора Сотник
- comments
  - ○ 1

Николай Георгиевич Гавриленко

Лора Сотник

© Сотник Л.М., 2010 г.

С переездом в 1977 году в кооперативную квартиру, купленную на жилищном массиве «Парус», далеко за городом, почти под Днепродзержинском, весь уклад нашей жизни изменился. На дорогу с работы домой раньше у меня уходило десять-пятнадцать минут медленного пешего хода, а теперь — полтора часа езды общественным транспортом с переходами и пересадками. Ясно же, что больше я не могла работать на вечернем факультете, а значит, вынуждена была уйти из ДХТИ, где меня ценили именно за то, что я не претендовала на дневные часы. Опять перемены, от которых я начинала уставать... Как это напрягало, и как жалко было уходить оттуда, где все так хорошо складывалось!

Вот по этой причине я оказалась во ВНИИмехчермете, отраслевом институте министерства черной металлургии СССР. Добавить тут нечего — черным не назвали бы нечто чистое и прекрасное. Правда, с коллективом мне повезло. В группу, где я начала работать, входило всего три человека — вместе со мной. Руководителем был Ступницкий Анатолий Михайлович, кандидат технических наук, недавно защитившийся на разрабатываемой здесь тематике, старший научный сотрудник по званию и должности. Вторым был Рябцев Олег Сергеевич, год назад приехавший в Днепропетровск из Свердловска (ныне Екатеринбург), где в УПИ (Уральский политехнический институт) возглавлял кафедру теоретической механики и сопротивления материалов, кандидат технических наук, по званию доцент, по должности — тоже старший научный сотрудник. И я пришла точно с такой же кафедры! Это нас сближало, ибо мы говорили на одном языке, мыслили в унисон. Было еще одно удивительное совпадение — Анатолий Михайлович и Олег Сергеевич родились в один день — 12 мая 1938 года. Более того, оба окончили высшее техническое училище имени Баумана в Москве, только разные факультеты, что помешало им познакомиться тогда еще. Это была знаменитая Бауманка, приравниваемая по уровню преподавания к лучшим вузам мира. Бауманка выпускала будущих капитанов производства, готовых научных сотрудников отраслевых НИИ.

И если вспомнить, что нашу жизнь наполняют события и

украшают люди, то следует признать, что с людьми мне повезло — каждый из этих двух сотрудников был по-своему интересным человеком. Я многому от них научилась и вспоминаю то время с теплом и благодарностью.

Невысокий, коренастый, с редеющей шевелюрой, чем-то похожий на Александра Калягина, только блондин и гораздо симпатичнее лицом — это Ступницкий. Вырос и получил воспитание он в генеральской семье, и это, безусловно, сказалось на его поведении и чертах характера.

Его отец, Ступницкий Михаил Семенович, был высокопоставленным человеком — при Сталине занимал пост заместителя наркома-министра по кадрам НКГБ Украинской ССР (20 июля 1941 г. НКГБ и НКВД Указом Президиума Верховного Совета были слиты в один наркомат). Позже он был брошен на ликвидацию бандеровских банд, свирепствующих вдоль западной границы СССР. В борьбе с этим террористическим подпольем показал себя смелым и принципиальным человеком. На его семью не раз поднимали руку. Но, видно, есть Бог, потому что каждый раз происходило чудо и невинные люди оставались живыми, хотя самому Михаилу Семеновичу досталось изведать и нож в спину, и пулю в бок. За несгибаемость и верность Родине, проявленные в борьбе с националистическим подпольем на Западной Украине, он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (Указ от 29 октября 1948 года). К сожалению, ранения, полученные тогда, нанесли значительный вред здоровью и Михаила Семеновича рано не стало.

Многие пережитые опасности и та скрытая значимость, которой была проникнута жизнь этой семьи, вошли в суть Анатолия Михайловича. Он слишком рано познал цену взаимопонимающему молчанию, наблюдательности, знаниям и умению человека ими пользоваться, причем познал на своем опыте, на опыте выживания, когда рядом таилась смерть. Сдержанность, лаконичность и взвешенность в каждой фразе — все это шло от него, окружало его невидимым флером, влекло к нему, вызывало доверие и просто симпатию.

Анатолий Михайлович был самокритичным, умел признавать свои просчеты и ценить в людях то, чего не доставало ему самому. Это редчайшее качество в нем бросалось в глаза и поражало! Он не умел завидовать. По сути плохо усвоив базовые дисциплины вуза, не владея теоретическими основами своей специальности, тем же сопроматом и теоретической механикой, он искренне уважал «умников», кто эти предметы знал.

Однажды было лето, и мы сидели без работы — где-то руководство института пробивало новую исследовательскую

тематику, искало под нее финансирование, а мы простаивали. Но на работу-то ходить надо. Занимались кто чем: Олег Сергеевич писал новые статьи, я щелкала интегралы из таблиц, составленных М. Л. Смолянским, а Анатолий Михайлович томился и вздыхал, иногда, перегнувшись набок, доставал ногу в открытом башмаке и почесывал пятки. Это было так уморительно, что я не выдержала и залилась смехом. От смущения он встал и подошел ближе, посмотрел на мой стол.

— О, сколько формул! Что это вы решаете? — спросил добродушно.

— Беру интегралы, — я показала на брошюрку, прихваченную из дому.

— Зачем?

— Такое развлечение.

Анатолий Михайлович хмыкнул и обезоруживающе улыбнулся:

— Вот досада, такие знания пропадают зря.

— Почему зря? Мне нравится упражняться, это разминка для ума...

— А вы смогли бы сделать моему племяннику контрольную по сопромату? Он учится в строительном.

— Смогла бы, — сказала я. — Тем более что в строительном сопромат — это только начало прелестей. Потом будет теоретическая механика, строительная механика, теория машин и механизмов, и со всем этим вы можете совершенно спокойно общаться ко мне, если возникнут трудности.

— Возникнут, конечно, — Ступницкий иронично засмеялся, бросая камешек в свой огород: — Племянничек весь в дядю.

— Как же он собирается работать? — брякнула я совсем не к месту.

— Как-то будет, — мой собеседник вздохнул. — Много ли прорабу надо знать.

Позже я узнала, что незадачливый студент — сын его старшей сестры Лидии Михайловны, которая растила мальчишку без мужа, и Анатолий Михайлович вместо отца принимал самое активное участие в его воспитании и решении жизненных проблем.

Каково же было изумление Анатолия Михайловича, когда задачи из принесенной контрольной работы я решила прямо на его глазах, буквально не вставая со стула, и, главное, — без учебников. Последнее обстоятельство произвело наибольший эффект — причем основательно и навсегда. С тех пор я стала для него главным авторитетом в науках и мерилом всех человеческих добродетелей. Мы подружились.

В дружбе Ступницкий был преданным, внимательным и заботливым. Это он натолкнул меня на тему, из которой позже выросла диссертация, и рекомендовал в аспирантуру, где сам учился, — просто повел по своей дорожке. Благодаря ему я сотрудничала со многими интересными людьми, повидала необыкновенные города, узнала мир. Вот и с Николаем Георгиевичем Гавриленко он меня познакомил. С тем самым, которые в грозные годы войны что называется ковал броню.

Оставив работу в Министерстве черной металлургии, Николай Георгиевич возглавил работу ПКТИ — проектно-конструкторского и технологического института, основанного еще в 1945 году и ставшего главным научно-исследовательским полигоном черной металлургии СССР. Впоследствии институт был расширен за счет создания ВНИИмехчермета, переименован и вошел в ПО «Черметмеханизация». Переход на работу в науку не был для Николая Георгиевича случайным — он плотно сотрудничал с этим коллективом и раньше

Видимо, еще в то беспокойное время он познакомился со Ступницким Михаилом Семеновичем, заслуженным человеком, после ранений приехавшим в сравнительно тихий Днепропетровск. И видимо, привлекал его к общественно-полезным работам, знал его семью.

После смерти Михаила Семеновича — ранней, когда его сыновья еще нуждались в наставничестве — Николай Георгиевич заменил им отца. Вот почему он благоволил Ступницкому и при первой возможности забрал ближе к себе, на должность ученого секретаря института. В связи с этим перемещением и несмотря на то что стаж моей работы в институте составлял всего один год именно меня назначили ответственным исполнителем по тематике, которую вел Ступницкий. Но все равно наше сотрудничество продолжалось, ибо научное руководство оставалось за ним.

За два года я наработала достаточный задел для поступления в аспирантуру. Выбор пал на Таллинский политехнический институт, где был ученый совет по специальности «Трение и износ машин и механизмов». Кстати, один из пяти в СССР! Оттуда, от Клейса Ильмара Романовича, профессора, заведующего кафедрой деталей машин, пришло принципиальное согласие на научное руководство моей диссертацией. Кандидатский минимум у меня был сдан, так что оставалось одно — получить разрешение института на мою учебу. Конечно, разрешение было формальным делом, но ведь директор мог его и не подписать, найдя тысячу причин. И мы с Анатолием Михайловичем пошли к нему на прием, а фактически на

оговоренное заранее чаепитие.

— Достойна? — вроде с шутливой строгостью, но лишь по тону шутливой, спросил директор, когда Супницкий отрекомендовал меня и сказал, с чем мы пришли.

— Представьте, она запросто решает задачи по сопромату, даже без учебников, — Анатолий Михайлович ласково посмотрел на меня: — такой умнички я даже у нас в Бауманке не видел.

— Фартовая девушка! — засмеялся Николай Георгиевич.

Охарактеризованная в самых лучших словах своим доброжелателем, я вызвала интерес Николая Георгиевича, и в дальнейшем он всегда шел мне навстречу, держался со мной просто, по-свойски. Именно директор заметил, что мое приязненное отношение к людям приносит им удачу, за что опять и опять называл меня фартовой девушкой. Отмечу для тех, кто затруднится посмотреть в словари синонимов, что слово «фартовый» означает «очень хороший, замечательный». Но на войне этим словом обозначали то, что приносит удачу. Для примера скажу, что были тогда непотопляемые «фартовые корабли», проходящие любой огонь «фартовые танки» и «фартовые санитарки», гарантированно выносящие раненных с поля боя. Меня это слово немного коробило, ибо по происхождению было жаргонным, из воровского лексикона, но я понимала, что некоторые выражения людей старшего поколения пришли из таких страшных событий и были так выверены судьбой, что обижаться не следовало.

А по существу я сама дала повод к таким выводам. Как-то при встрече директор спросил, как мои дела, из вежливости, конечно. Но отмахнуться я не имела права, поэтому сказала с серьезным видом:

— Дела мои плохи.

— Что случилось? — Николай Георгиевич остановился, положил руку мне на плечо.

— Сначала вы забрали от меня Анатолия Михайловича, а теперь и Олега Сергеевича назначили заведующим отделением. Осталась я совсем одна в кабинете.

— Как же одна? А заведующий лабораторией, Лобода Вячеслав Михайлович? Вот шутница! — он погрозил мне пальцем: — Разыгрываешь меня?

— Да он такой зануда, Лобода, ну его!

— А Рябцев не зануда? По-моему, при нем вообще молоко скисает.

— Зануда, это точно, зато умный, — сказала я.

— Просто ты приносишь людям удачу, вот так и скажи, — и директор поспешил по своим делам, крикнув мне напоследок: —

Говорю же, фартовая девушка!

Николай Георгиевич отличался простотой и, в хорошем смысле, демократичностью по отношению к людям. Он со всеми держался просто, без кичливости выскочек и высокомерия плохо воспитанных аристократов. Мир, как известно, тесен. Позже, на ДКТ, я работала вместе с его племянницей Ниной Беликовой и она подтвердила это мое наблюдение. Нина сама была такой — справедливой, честной, искренней с людьми, добросовестной в работе, не любила брака и расхлябанности, кампанейщины и кричащего кумовства. Это не раз приводило к конфликтам между нею и Розмаит Валентиной Власовной, ее начальницей, по окончании вуза приехавшей к нам из Львова. Ну, тут совершенно ясная картина — несовпадение двух антагонистичных мировоззрений: социалистического и того, что свойственно человеку из среды западных украинцев. Как ни странно, именно история народа порой проникает в такие глубины души, что сразу и не поймешь, почему качества характера формируются такими, а не иными. Я всегда принимала сторону Нины в возникающих между ними стычках. Позже, в 2004 году, этот конфликт станет глобальным и роковым для Украины, он раздерет ее на две непримиримо враждующие части. Ну а в 2014 году вообще приведет к войне.

Еще не раз в неофициальных разговорах Гавриленко, казалось, не без суеверного удивления подчеркивал, что не успела я появиться в лаборатории, как сразу два моих новых друга сделали головокружительную карьеру. Действительно, у обоих продвижение наверх случилось не по правилам, а из ряда вон выходящим образом. Официальная карьерная лестница состояла из таких ступенек: старший научный сотрудник — заведующий лабораторией — заведующий отделом — заведующий отделением, а потом выше, в руководство института. Значит, Ступницкий, шагая по ней, перескочил через три ступени, а Рябцев — через две.

Но дело, конечно, было не во мне — так развивались события. Взлет Супницкого я объяснила. Что же касается Олега Сергеевича, то тут дело обстояло еще проще. Его отец в качестве главного инженера руководил одним из крупнейших горно-обогатительных комбинатов Украины и имел полную возможность заинтересовать институт выгодными хозяйственными договорами, чтобы тем самым не только продвинуть сына по службе, но и фактически содержать на деньги комбината в любой удовлетворяющей его амбиции должности. Я видела этого человека незадолго до внезапного назначения Рябцева на новую должность — низенький, довольно плотный, с

выразительно хазарскими чертами лица, в котором читалась сильная воля, с барственными повадками. Отец и сын, копии друг друга, но сын стройнее и выше ростом, шагали по институтскому коридору и заинтересованно беседовали, никого не замечая.

На новой должности Олег Сергеевич, однако, не задержался по причине постигшего его несчастья — скоропостижной смерти отца. И его сбросили с олимпа, все вернулось на круги своя. А через несколько лет он ушел преподавать на кафедру прикладной механики в ДИСИ — Днепропетровский инженерно-строительный институт — курсы «Теория механизмов и машин» и «Прикладная механика и основы конструирования».

О предыстории Олега Сергеевича я знаю мало, хотя мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Не любит он об этом говорить. Общая схема такова: после окончания Бауманского училища он попал в Свердловск, какими-то путями оказался в УПИ, где защитил кандидатскую диссертацию и вскоре возглавил кафедру теоретической механики и сопротивления материалов. Там он женился, получил четырехкомнатную квартиру, что по тем временам было чрезвычайной роскошью. У него родилась дочь. Но вдруг что-то произошло и все рухнуло: развод, уход с работы, переезд в другой город практически с пустыми руками, если не считать чемодана с бельем. Все это походило на бегство от больших неприятностей, когда отдают последнее ради того, чтобы выпутаться из них. Ну, или на то, что в человеке наконец-то разобрались, поняли, что он — пустышка, перестали делать на него ставку и выбросили подальше, найдя более подходящий для себя вариант.

Полагаю, во ВНИИмехчермете Олег Сергеевич появился по протекции отца — человека влиятельного в металлургической отрасли. Тут ему сразу же предоставили комнату в общежитии, а в течение года обеспечили однокомнатной квартирой, где он проживает по сию пору.

Мнения о нем я всегда была высокого. Это начитанный, всесторонне эрудированный эстет, правда, весьма скуповатый и почему-то одинокий, вернее, уклоняющийся от соблазнов. Он принципиально не брал в рот спиртного, как не пьет тот, кому нельзя срываться, и на каждом шагу подчеркивал приверженность здоровому образу жизни, походам в горы, катанию на лыжах, как это делает тот, кто достаточно погулял и дал обет больше не грешить против своего здоровья. Он был речистым собеседником, любил умную шутку, умел прекрасно острить с экскурсами в литературную классику. Особенно часто цитировал Швейка и Остапа Бендера. Во всех ситуациях проявлял интеллигентность и доброжелательность.

Из всей массы знакомых мне людей я бы его выделила по двум бесценным качествам: первое — это необыкновенная дипломатичность, умение в любом споре, в любом конфликте обходить острые углы и сохранять хорошие отношения; второе — высочайшая сила воли. Просто удивительно, почему при этом создавалось впечатление, что он не способен приносить пользу кому-то другому — близким, окружающим, обществу в целом. Конечно, я говорю только о его работе во ВНИИмехчермете, где он явно скучал и бездельничал, и нисколько не сомневаюсь в его прекрасных преподавательских способностях. И еще у меня осталось впечатление, что он, стремясь к высокому положению, к должности, не стремился к совершенствованию, повышению своего интеллектуального статуса. Он даже не пытался сделать достойную работу, чтобы защитить докторскую диссертацию, что было возможно, пока здравствовал его отец. Это было необъяснимой странностью. Казалось, Олег Сергеевич был из взявшихся за ум мажорных мальчиков, что он не самым умным образом воспользовался молодостью и положением семьи, в которой родился, растратил все свои преимущества по пустякам, а потом спохватился, да поздно.

Он увлекался красивыми избалованными женщинами, я многих из них знаю, однако жениться не собирался, так и остался холостым.

Участь Анатолия Михайловича, весельчака и человека широких жестов, более печальна. Он успешно пережил двух или трех директоров после того, как ушел на покой Николай Георгиевич, и продолжал работать на старой должности. Но в конце концов грянула перестройка, а с ней развал страны, крушение нашей мощи, упадок любой деятельности. Должность ученого секретаря упразднили, и Анатолий Михайлович оказался на улице. Как-то в 1997 году, вскоре после моего 50-летия, мы встретились на проспекте, и Анатолий Михайлович попросил у меня денег на сигареты. Я дала. А через небольшой промежуток времени он умер от сердечной недостаточности, вызванной похмельным синдромом. Как жаль, что мне об этом не сообщила его сестра, Лидия Михайловна, с которой на долгие годы меня свела судьба после ухода из института.

Чтобы завершить воспоминания о Николае Георгиевиче Гавриленко, добавлю, что если бы он не оставил директорский пост, то мне не пришлось бы мыкаться со своей диссертацией и потом, плюнув на все, уйти в другую отрасль. К сожалению, его дело попало в недостойные руки, почти случайные{1}. И он сам сожалел об этом, о говорил в последнюю нашу встречу. Уход Николая Георгиевича с должности не был простым и вызван он

был еще более непростыми причинами — близилась перестройка, ее «прорабы» начинали расправу с «красными директорами»…

comments

Комментарии

1

Его преемником стал некий Урчукин Виктор Григорьевич, недоброй славы человек.